

**МАТЕРИАЛЫ БИОГРАФИИ ЛЬВА СВЯТОПОЛК-МИРСКОГО КАК КОМПЛЕКСНЫЙ ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ¹**

Популярный белорусский замок Мир известен своими знаменитыми обитателями. Центральная ветвь рода Святополк-Мирских является объектом пристального внимания белорусских исследователей. Пожалуй, лучше всего изучены жизнь и деятельность Петра Дмитриевича Святополк-Мирского, губернатора Виленского, Ковенского и Гродненского, а позже – министра внутренних дел и отца литературоведа Дмитрия Петровича Святополк-Мирского [2; 3]. Настоящее исследование посвящено биографии представителя боковой ветви рода Святополк-Мирских – Леону (Льву). В отличие от своего знаменитого старшего родственника-политика, Леон избрал карьеру клирика. Материалы его биографии представляются уникальным комплексным источником по истории государственно-конфессиональной политики, удивительным образом связывающим Беларусь и Сибирь.

Леон Святополк-Мирский, 1876 года рождения, в возрасте двадцати лет окончил курс обучения в римско-католической семинарии Санкт-Петербурга, был рукоположен с именем о. Евгений. Сразу же после получения сана был назначен викарием в далекий сибирский город Тобольск, где и начал служение 2 июня 1897 г [1]. Обычно после рукоположения духовное лицо пользуется исключительно «новым» именем, однако в метрических книгах Тобольска сделан ряд записей о крещениях младенцев, заверенных подписью «Лев Святополк-Мирский» [8, с. 124]. Через шесть лет, 11 июня 1903 г., священник Евгений (Леон, Лев) стал настоятелем в другом сибирском городе – Красноярске, а в 1909 г. уже служил на Волыни. Для заверения записей в метрических книгах он произвольно использовал любое из трех своих имен, в связи с чем и возникли сложности с идентификацией личности духовного лица. О том, что героя нашего повествования звали именно Львом, свидетельствуют и его собственноручные подписи в материалах дела архивного хранения в составе Российского государственного исторического архива (РГИА), и комплекс делопроизводственной документации Департамента духовных дел иностранных исповеданий министерства внутренних дел (ДДД ИИ МВД), приобщенный к корпусу личного дела священника, который имеет заголовок «Переписка о ксендзе Льве Святополк-Мирском» [7].

В коллекции Российского государственного исторического архива находится на хранении дело «О переводе в худший приход вне Волынской губернии ксендза Л. Святополк-Мирского за обвенчание православной крестьянки с католиком до совершения брака в православной церкви» (22.04.1909 – 17.10.1910) [5]. Нужно заметить, что наказание Святополк-Мирскому, как представителю знатного дворянского рода, было назначено мягкое. Например, «за совершение католических обрядов над детьми от смешанных браков католиков с православными» был привлечен к уголовной ответственности ксендз В. Зенкевич (24.07.1907 – 15.11.1909) [6], а «за венчание православных с католичками» (23.11.1907 – 04.01.1910) также к уголовной ответственности был предан М. Секлюцкий [7, л. 28–77]. Казалось бы, оптимальным решением для инославных священников, дабы не попасть в немилость властей, был бы отказ в отправлении Таинств лицам, принадлежащим к иным конфессиям. Однако Российская империя являлась многонациональным и поликонфессиональным государством, и в том же архиве отложилось дело за 1910 год «Об увольнении ксендза И. Мицкевича за противодействие бракам католиков с православными» (26.01.1910 – 08.03.1910) [7, л. 56]. То есть, и венчание инославных с православными квалифицировалось как преступное деяние, и отказ в венчании считался противодействием. Предпочтительным с точки зрения закона и государственной церкви являлся вариант, когда будущие супруги в преддверии венчания оба принимали православие. Однако жизнь сложна, многогранна и не всегда члены одной семьи исповедовали единую религию, а потому время от времени случались казусы, зафиксированные в текущей переписке и делопроизводственной документации Министерства внутренних дел.

Второй сибирский период в жизни Льва Святополк-Мирского не был продолжительным, но коренным образом повлиял на его дальнейшую карьеру. В 1910 году он прибыл в Красноярск, а в 1913 г. последовало распоряжение архиепископа Могилевской архиепархии Иоанна Цепляка о перемещении красноярского курата-настоятеля Льва Святополк-Мирского в более удаленный город – Иркутск. Иркутский период в жизни опального священника продолжался менее года – в мае 1914 г. он был назначен настоятелем Быховского прихода, что в Могилевской губернии, а уже в июне – настоятелем Минского кафедрального костела и деканом Минского деканата.

Причина столь динамичного изменения места жительства и служения представителя династии Святополк-Мирских, на первый взгляд, достаточно абсурдна. 2 марта 1912 г. курат (настоятель) Красноярского приходского костела о. Евгений Святополк-Мирский направил командование 31-го Сибир-

¹ Подготовлено при поддержке гранта Фонда Президента РФ для поддержки ведущих научных школ по теме: «Религиозные процессы в Сибирских окраинах России: от имперской политики аккультурации к современной модели государственно-конфессиональных отношений» (проект НШ-63.2022.2).

ского стрелкового полка уведомление в том, что: «По сношению с Штабом дивизии ... исполнение обряда пасхального говения нижними чинами римско-католического вероисповедания мною назначено на 8, 9, 10 и 11 марта сего года, в виду чего честь имею просить управление выслать мне список нижних чинов римско-католического вероисповедания 31-го полка и освободить католиков в означенные дни ... ежедневно с 7 часов утра до 12 и с 3-х часов по полудни до 7-8 вечера» [7, л. 56–57]. В соответствии с положениями законодательства Российской империи, граждане неправославного исповедания имели возможность в дни религиозных праздников пользоваться правом «дня отдыха» [8].

Командованием полка был представлен перечень из 242 имен «нижних чинов 31-го Сибирского Стрелкового полка римско-католического вероисповедания» [7, л. 57]. 13 марта подпоручик Томашевич направил рапорт на имя командира полка о том, что: «7 сего марта, согласно приказа по полку за № 75 от 5 марта, я пошел исповедоваться в Красноярский р-к Католический костел. Настоятель названного костела на исповеди не разрешил мне принять Таинства Св. Причастия, мотивируя свой отказ тем, что я женат на православною». Резонансное дело дошло до Енисейского генерал-губернатора, ДДД ИИ МВД и даже Военного министра.

Казалось бы, факт правонарушения очевиден. Об аналогичных примерах мы знаем из материалов Омского, Томского, Красноярского, Новониколаевского (Новосибирского) архивов [4, л. 1–2]. Почему же проступок Святополк-Мирского вызвал такой резонанс?

В переписку оказались включены митрополит Ключинский и помощник министра внутренних дел Золотарев, который, анализируя ситуацию, заключает: «...чины 31 Сибирского стрелкового полка обряд говения выполнили 8, 9, 10 и 11 /но не 7/ марта сего года; ...по словам того же ксендза, подпоручик Томашевич в полковых списках не значился, ксендзу Святополк-Мирскому совершенно неизвестен и лично к нему за причастием не обращался. На основании этих данных митрополит Ключинский, с своей стороны, делает заключение, что: «обвинение названного ксендза, по-видимому, вызвано необоснованной жалобой недоброжелательно настроенного к нему лица, которое несомненно обнаружится после переговоров кс. Мирского с подпоручиком Томашевичем, по возвращении воинских частей из лагеря в Красноярск» [7, л. 33]. Когда вернулись воинские части с полевых сборов, состоялась ли встреча священника с подпоручиком? Об этом в материалах дела не упоминается. Контент-анализ анализируемого документального корпуса позволяет сделать вывод о преднамеренной фальсификации: истинная фамилия подпоручика – Томашевский, жалоба же составлена от имени Томашевича. В объяснительной записке Льва Святополк-Мирского от 14 апреля 1912 г. читаем: «Подпоручик 31 Сибирского стрелкового полка Франц Томашевский в текущем году обряд говения исполнял, относительно же принятия им Св. Причастия, ввиду того что Св. Причастие раздавалось и мною, и викарным костела, я за этим не следил и не мог следить» [7, л. 37].

Тем не менее, дело имело далеко не религиозный резонанс: 20 сентября 2012 г. Начальник штаба Иркутского военного округа генерал-майор Марков, согласно представления Окружного дежурного генерала, с согласования Заведующего судной частью, направил распоряжение: «Командиру 3-го Сибирского армейского корпуса. Согласно резолюции Временно командующего войсками округа. О последующем прошу уведомить Штаб округа». 30 апреля 1913 г. «курят Красноярского костела, ксендз Лев Святополк-Мирский ... перемещается на должность настоятеля Иркутского прихода» [7, л. 45].

Территориально Иркутск считается более удаленным сибирским городом, нежели Красноярск. Однако Иркутский католический приход обладал более высоким административным статусом, и потому служебное перемещение опального клирика можно было расценить двояко – не только как наказание, но как повышение в должности.

Казалось бы, инцидент исчерпан; однако в дело снова вмешалось военное ведомство. 10 июля 1913 г. Временно управляющий военным министерством по Главному штабу направил министру внутренних дел Н.А. Маклакову отношение следующего содержания: «...Вполне соглашаясь с мнением Вашего Высокопревосходительства, что наиболее соответствующей мерой в данном случае является перевод ксендза Святополк-Мирского из Красноярска ... казалось бы наиболее желательным не оставлять ксендза Святополк-Мирского в пределах того же Иркутского военного округа, а перевести его в один из городов Сибири вне названного округа» [7, л. 24].

Могилевский митрополит Ключинский принял неожиданное решение: он перевел опального клирика не в один из сибирских приходов, а в титульную Могилевскую губернию, назначив его настоятелем небольшого Быховского прихода [7, л. 24 – 25об]. Через год последовало новое назначение: Святополк-Мирский стал настоятелем Минского кафедрального собора и деканом Минского деканата, что вызвало нарекания со стороны теперь уже Минского губернатора [7, л. 70]. Испуганный губернатор 12 июня 1914 г. направил обращение в ДДД ИИ МВД: «...покорнейше прошу Департамент духовных дел не отказать в распоряжении о недопущении осуществления назначения ксендза Святополк-Мирского на какую бы то ни было должность в Минскую губернию» [7, л. 77].

Последний документ в личном деле опального священника весьма красноречив. Товарищ министра внутренних дел Золотарев в ответ на обращение Минского губернатора отвечает: «Прини-

мая во внимание, что указанное выше перемещение ксендза Святополк-Мирского состоялось на основании ст. 42.2 Уст. Ин. Исп., Министерство лишено возможности в настоящее время, за отсутствием сведений, компрометирующих деятельность этого священника на новом месте его служения, требовать удаления его из Минской губернии» [7, л. 80].

Рассмотренный нами кейс является наглядной иллюстрацией комплексного использования исторических источников, содержащихся в архивохранилищах разных городов и даже государств, для проведения тематического научного исследования. Выявлены не столько элементы фактологии, сколько разносторонние и многоплановые аспекты религиозной политики и государственно-конфессиональных отношений, повлиявшие на судьбу человека.

1. Государственный архив в г. Тобольске (ГБУТО ГА в г. Тобольске). – Ф. 156. Оп. 30. Д. 37.
2. Крот, М. Н. «Касаться вопросов веры с возможной осторожностью...»: политика «церковно-приходского обрусения» северо-западного края и Виленский генерал-губернатор князь П.Д. Святополк-Мирский / М. Н. Крот // Тетради по консерватизму. – 2020. – №2. – С. 318–330.
3. Новицкая, О. В. Историко-архивные изыскания о роде князей Святополк-Мирских в аспекте научно-исследовательской работы в музее / О. В. Новицкая // Культура Беларуси: реалии современности. – Минск, 2019. – С. 380–385.
4. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). – Ф. 821. Оп. 128. Д. 964.
5. РГИА. – Ф. 826. Оп. 3. Д. 846.
6. РГИА. – Ф. 821. Оп. 3. Д. 857.
7. РГИА. – Ф. 826. Оп. 3. Д. 896.
8. Титова, Т. Г. К истории католической церкви в Тобольской губернии (середина XIX – начало XX в.) / Т. Г. Титова // Словоцкие чтения. – Тюмень, 1999. – С. 123–125.

Ткаченко Д.С.
СБОР СВЕДЕНИЙ О ВОСТОКЕ В КОНТЕКСТЕ НАРРАТИВА
«БОЛЬШОЙ ИГРЫ» ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА Г.В. РОЗЕНА¹

Российско-Британское политическое соперничество на Востоке, разворачивавшееся в XVIII – начале XX вв., получило образное название «Большой игры». Термин был придуман английским военным разведчиком Артуром Конолли [9, р. 141] и был позднее популяризирован Р. Киплингом. Он прочно вошел в нарратив повествований как о политике обеих стран, так и тесно связанного с осуществлявшимся в процессе ее проведения изучения восточного приграничья обеих империй.

Большую игру в контексте дипломатического и политического противостояния активно изучали ученые как в России [60], так и за рубежом [10; 12; 13], однако соперничество стран за право вести географические и научные открытия до сих пор остается за рамками внимания современных авторов.

Кавказ занимал особую роль в Большой игре. Он непосредственно примыкал к южным губерниям России и одновременно являлся плацдармом для продвижений в Малую Азию, на Ближний Восток и в Прикаспий. Регион также был тесно связан со знаменитым в дипломатии XIX в. «Восточным вопросом» – европейской политикой на Ближнем Востоке и Балканах, связанной с кризисом Османской империи.

В сентябре 1830 г. на должность командира Отдельного Кавказского корпуса был назначен Г. В. Розен. В военно-политической истории Кавказа его образ представлен как пример «неудачливого управленца», отстраненного со своего поста в 1837 г. волей Николая I, однако архивные материалы деятельности корпусного командира свидетельствуют не только об организации научного изучения самого Кавказа, но и о пристальном внимании к исследованиям территорий, лежащих между границами Российской и Британской империй.

Основным хранилищем, имеющем в своем составе документы Г.В. Розена, является фонд 6 Государственного исторического музея (ГИМ). Дела из этого фонда представляют собой объемную подшивку разноплановых документов, систематизированных по тематическому принципу и достаточно полно освещающих круг интересов первого лица в кавказской администрации.

Они показывают, что командующий корпусом решал не только военно-тактические задачи, но и выступал с идеями организации изучения неподконтрольных России земель, а также территорий Юго-Восточного приграничья Кавказа. При этом изучалась не только география региона, но и характер тех народов, которые его населяли. «Всецело занятые горцами, – писал А.П. Берже, – мы с постепенным углублением в неведомые для нас до того местности, более и более расширяли запас наших географических, топографических и других сведений и тем самым дали возможность литературе обогатиться обстоятельными сочинениями о крае» [1, с. XVII]. Деятельность Г.В. Розена в этом направлении А.П. Берже сводил только к появлению на Кавказе иностранных путешественников, таких, как Дюбуа де-Монпере, посетивший регион в 1833 г. и напечатавший свою работу в Париже [3]. Однако в архиве командира корпуса сохранилась обширная документация, свидетельствующая о более широких интересах корпусного командира.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00302, <https://rscf.ru/project/23-28-00302/>.